

ЦАРИЗМ БЕЛЫЙ = ЦАРИЗМ КРАСНЫЙ.
ЯН КУХАЖЕВСКИЙ И ЕГО ПРОЧТЕНИЕ
ИСТОРИИ РОССИИ

ЮРИЙ А. БОРИСЁНОК

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет, Кафедра истории южных и западных славян
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп.4
e-mail: rodina2001@mail.ru

(получено 30.07.2015; принято 12.10.2015)

Abstract

**Tsarism white = tsarism red. Jan Kucharzewski
and his interpretation of Russian history**

The monograph of the famous Polish historian, journalist and politician Jan Kucharzewski (1876–1952) was published in the 1920s–1930s in seven volumes and is considered one of the most significant works of Polish and foreign historiography devoted to Russia, its state and social development. In coming years, the book will be published in Russian, and the author's conception remains relevant to this day.

Key words

Jan Kucharzewski, Polish historiography, history of Russia.

Резюме

Монография известного польского историка, публициста и политического деятеля Яна Кухажевского (1876–1952) была опубликована в 1920-е–1930-е гг. в семи томах и считается одним из наиболее масштабных творений польской и зарубежной историографии, посвящённых России, её государственному и об-

щественному развитию. В ближайшие годы книга увидит свет на русском языке, а концепция автора остаётся актуальной и в наши дни.

Ключевые слова

Ян Кухажевский, польская историография, история России.

В 2015 году на русском языке был опубликован первый том одного из самых известных в польской историографии сочинений о России — огромного по объёму семитомного сочинения Яна Кухажевского *От белого до красного царизма*¹. Несмотря на прошедшие с тех пор 92 года, масштабная работа польского автора межвоенной эпохи и сегодня представляет немалый интерес для российского читателя. Автор предисловия к книге, известный российский историк член-корреспондент Российской академии наук Борис Николаевич Флоря, отметил:

Когда я впервые прочитал книгу Яна Кухажевского, у меня создалось впечатление, что эта работа уже в момент своего создания, в 1920-е–1930-е годы, была прямо обращена не только к польскому, но и к русскому читателю. И сегодня мне кажется, что именно в России и именно сейчас этот труд может быть прочитан наиболее адекватно².

Заметим, что и в России, и в Польше отдельные представители гуманитарных наук при известии о начале работы над переводом работы Кухажевского выразили более скептический подход, считая автора «русофобом» и т.д., а на основании этих оценочных суждений отказывали ныне покойному автору в праве прийти к читателю в издании на русском языке. Такой подход не представляется уместным, особенно на фоне многочисленных русских переводов книг на схожую тематику: назовём хотя бы первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика или Ричарда Пайпса. На наш взгляд, со времени выхода в свет *Доктора Живаго* логичнее всё-таки пойти другим путём: в любом случае нужно сначала прочитать Пастернака, а уж потом разузнать, за что и почему Пастернака ругают... Флоря обстоятельно обосновывает именно этот подход:

Мне представляется, что замечательная книга Яна Кухажевского во многом опередила своё время и затронула многие ключевые проблемы, которые интересуют и современную нам историографию. Нельзя не отметить и блестящую литературную форму, в которую заключено это произведение. Автором не только изложены важные и существенные факты, но и созданы необыкновенно яркие образы участников событий. Именно поэтому очень важно познакомить русского читателя с полной версией труда Кухажевского в семи томах, а не с сокращённой до одного тома вариацией, обращённой после Второй мировой войны к читателю американскому. Именно полный текст сочинения польского историка позволяет нам наиболее адекватно приблизиться к событиям, которые проис-

¹ Я. Кухажевский. *От белого до красного царизма*. Перевод Ю.А. Борисёнок. Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. Москва: Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», 2015.

² Там же, с. 5.

ходили, ко всем реальным сложностям описываемых процессов, к личностям, которые участвовали в этой исторической драме и изображены автором столь неповторимо³.

Стоит подчеркнуть, что даже у подготовленного читателя русской версии труда Кухажевского неизбежно появится немало вопросов к автору. Главные из них, на наш взгляд: кто всё это написал; почему сочинитель столь страстно отрицает «царизм» любого цвета, «белый» монархический либо «красный» революционный; и, наконец, чем сегодня этот труд «матери-истории» ценен?

Итак, в 1923 году 47-летний польский учёный Ян Кухажевский опубликовал в свет первый том своего огромного по объёму труда по истории России XIX века. Том назывался вполне себе прилично — *Николаевская эпоха*, вся же книга одним своим заголовком оскорбляла в лучших чувствах обоих недавних противников в Гражданской войне, ибо именовалась *От белого до красного царизма...*

Кухажевский родился 27 мая 1876 года в крошечном городке на Подляшье, который во времена Российской империи звался Мазовецком и принадлежал к Ломжинской губернии, а ныне называется Высоке-Мазовецке. Окажись наш герой в СССР после 1939 года — и в графе «место рождения» судебно-следственного дела ему бы записали «Белостокскую область БССР». Семья была обеспеченной — отец учёного Стефан был инженером, то есть по тем временам человеком с высоким социальным статусом. Ян учился усердно и увлечённо — окончил русскую гимназию в Ломже, затем — юридический факультет Императорского Варшавского университета с обучением опять же на русском языке (1898), после чего изучал социологию и политэкономия в Берлине по-немецки. С 1901 года Кухажевский работал по специальности на Российскую империю, устроившись на службу юристом в казначейство. С 1906-го начал заниматься адвокатской практикой, при этом находил время для сочинения и печатания исторических трудов, посвящённых польскому XIX веку⁴.

Карьера молодого поляка из провинции шла в гору. Адвокат, как это часто бывает, увлёкся политикой. С юношеских лет он примыкал к национальным демократам, а в 1911 году бросил открытый вызов лидеру этой партии Роману Дмовскому. Кухажевский мечтал о кресле депутата IV Государственной думы и, пожалуй, вполне импозантно смотрелся бы в Таврическом дворце в Петербурге в образе яркого оратора от Польского коло. Но на выборах в 1912-м он потерпел обидное и крайне болезненное для самолюбия поражение. С тех пор главный объект его научной и публицистической страсти переместился на Россию во всех её политических обличьях — от империи до советской власти. Именно тогда и был задуман грандиозный труд о белом и красном царизме, который должен был состоять из десяти томов.

Обладатель лысины, весьма похожей на ленинскую, вместо Таврического дворца с началом Первой мировой оказался в Швейцарии, где, как известно, в те годы нашёл приют и вождь мирового пролетариата. Кухажевский в отли-

³ Там же, с. 5.

⁴ См. A. Szwarz, P. Wiczorkiewicz. *Od redaktorów naukowych*. [B:] J. Kucharzewski. *Od białego caratu do czerwonego*. T. 1. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.

чие от Ильича, видел в Великой войне не пролог мировой революции, но нечто столь же фантастическое для современников событий, а именно повод для восстановления независимости Польши, утраченной ещё в 1795 году. Наш герой основал периодическое издание *L'Aigle Blanc* ('Белый орёл') и на французском языке пытался убедить европейскую публику в том, что поляки имеют права на собственную государственность. В 1917-м оба в чём-то внешне похожих лысых эмигранта, имеющих юридическое образование, неожиданно для самих себя уехали из Швейцарии, оказались на родине и добрались до власти в должности премьера. Но если главный пассажир пломбированного вагона Ленин обосновался на посту председателя Совнаркома пожизненно, то Кухажевский, как вскоре выяснилось, поставил не на ту властную лошадь. До момента, когда идеей восстановления независимой Польши всерьёз заинтересуется победившая в войне Антанта, он не дотерпел, уверовав в намерения Германии и Австро-Венгрии, объявивших 5 ноября 1916 года о создании квази-государства под гордым названием Королевство Польское, разместившегося, впрочем, лишь на польских землях, до войны принадлежавших Российской империи.

Кухажевский вернулся в Варшаву в июне 1917 года — в то самое время, когда против Центральных держав настроен уже и сам Юзеф Пилсудский (в июле он будет интернирован в Магдебурге). Короля в торжественно провозглашённом королевстве так и не появится, оккупационные власти ограничатся лишь Регентским советом. Правительство будут создавать мучительно долго, оно появится лишь 26 ноября 1917-го, когда Ленин уже почти три недели руководил своим СНК. Первым премьер-министром возрождённой хоть в каком-то качестве Польши и станет 41-летний Ян Кухажевский. Правительство его трудно назвать способным на многое — например, пост министра иностранных дел там так и не был предусмотрен. В отставку первый премьер ушёл 27 февраля 1918 года, а в октябре того же года (со 2-го по 9-е) вошёл в эту реку во второй раз, когда поражение Центральных держав было уже predetermined.

Сохранив верность германскому блоку вплоть до самого конца мировой войны, амбициозный Кухажевский не мог рассчитывать на ведущие властные позиции в появившейся по воле Антанты в ноябре 1918-го независимой Польше. Понимая это, он уехал в Швейцарию, а по возвращении на родину все предложения занять ответственный государственный пост отвергал, соглашаясь лишь на функции советника при правительстве и МИД. Расставшись с большой политикой, наш герой все силы и даже здоровье бросил на сочинение задуманного им десятитомника о России. Сотворение громадного труда так захватило Кухажевского, что он отказался от весьма лестных для него предложений занять кафедру истории в университетах Варшавы и Кракова: учёный полагал, что преподавание будет мешать его работе за письменным столом.

В итоге в межвоенные годы неутомимый критик царей и большевиков написал все десять томов своего главного сочинения, опубликовал же — только семь (1923–1935), доведя изложение до эпохи Александра III. Оставшиеся в рукописи заключительные три тома, в которых значительное место занимали фигура Ленина и происхождение большевизма, погибли в огне Второй мировой войны: по одной версии, в сентябре 1939 года, когда немецкая бомба разрушила

дом Кухажевского неподалёку от Уяздовского парка в Варшаве и уничтожила его обширную библиотеку из 10 тысяч книг, по другой — во время Варшавского восстания в 1944-м. Восстановить утраченное автор уже не смог.

В мае 1940 года Кухажевский выбрался из оккупированной гитлеровцами Польши. Проехав через Рим, Париж и Лиссабон, он пересёк Атлантический океан и оказался в эмиграции в США. В Нью-Йорке он основал Польский научный институт и руководил им вплоть до своей смерти 4 июля 1952 года. В Америке в условиях холодной войны наш герой обрёл вполне заслуженную репутацию антикоммуниста и антисоветчика, но в новых условиях о продолжении прежних масштабных исследований пожилым эмигрантом речи уже не было. В 1948 году в США вышло однотомное сокращённое издание его семитомника по-английски, в 1958-м в Лондоне — однотомный польский вариант, подготовленный к печати вдовой учёного Марией (в девичестве Жаковской; в браке супруги прожили 46 лет).

Таким образом, жизненный путь автора был ровно наполовину рассечён 1914 годом: 38 из 76 лет его жизни прошли до Первой мировой войны, другие же 38 — после. Недавняя монография Александра Репникова и Олега Милевского примечательно озаглавлена *Две жизни Льва Тихомирова*⁵. У Кухажевского в итоге тоже получилось «две жизни». В первой из них его могли называть по имени-отчеству «Иваном Степановичем», а русский язык и русская литература въелись в его сознание не меньше, чем у ставшего в 1917 году губернатором Кронштадта поляка из Могилёвской губернии Томаша Парчевского (1880–1932). Последний ещё за три года до Первой мировой нашёл себе интересную работу сообразно способностям:

Я отсылаю бумаги и возвращаюсь из армии на готовую должность в другой кронштадтской гимназии, а было их там три. Должность для поляка несколько необычная — я стал учителем русского языка. Поляк и католик и... учитель русского языка! На самом деле все было очень просто: именно в 1911 году к преподаванию русского языка внутри России допустили и нерусских. Правда, нерусских специалистов почти не было. Во всем учебном округе вместе со мной их было двое или трое. (...) У меня были исключительные естественные данные для этого предмета, я владел русским языком идеально, говоря на нём намного лучше, чем обычные русские, даже мои коллеги — учителя русского языка. Коллеги поначалу несколько не сомневались, что я москаль. Только когда спросили, не ошибка ли в моем дипломе — пункт о вероисповедании, я ответил, что нет, я католик и поляк. Как сейчас помню оцепенение коллег, особенно попа-законучителя. И хотя они смирились с этим, долго потом качали головами: «Ну, ну! А как говорит! И почему поляк так говорит по-русски. Вдобавок этим чудесным петербургским выговором!»⁶

Кухажевский и Парчевский представляли собой новое поколение поляков, существенно отличавшееся даже от генерации Пилсудского и Дмовского, родившихся в предыдущем десятилетии, в 1860-х годах. Изучение и использова-

⁵ А.В. Репников, О.А. Милевский. *Две жизни Льва Тихомирова*. Москва: Academia, 2011.

⁶ T. Parczewski. *Pamiętniki gubernatora Kronsztadu*. Oprac. T. Bohun. Warszawa: Mówią Wieki, 2006, с. 39–40.

ние русского языка и уверенное плавание в обширном море русской культуры было для них вещью естественной. Явление это удивляло многих — как в российском, так и в польском обществах. «Оцепенение» могло посетить и читателей Кухажевского — настолько обширны были его познания и в русской литературе, и в польской словесности. Большинство польских читателей его семитомника и в межвоенный период, и в наши дни испытывают определённый дискомфорт, встречая лишь на двух соседних страницах сравнения Михаила Бакунина не только с Рудиным Тургенева (это сопоставление давно стало хрестоматийным), но и с Бельтовым из *Кто виноват?* Герцена, Обломовым Гончарова, Владимиром Ленским из пушкинского *Евгения Онегина*, Маниловым из *Мёртвых душ* и даже помещиком Тентетниковым из второго тома того же сочинения Гоголя⁷. А русский читатель Кухажевского будет вынужден вникать в символику драмы польского классика Зыгмунта Красиньского (1812–1859) *Иридион* на античный сюжет и разбираться в сравнениях Бакунина с Иридионом, а Сергея Нечаева — с Масиниссой как символом зла⁸.

Ну и кому оказались нужны столь глубокие познания во второй жизни Кухажевского, после 1914 года? Ответ неутешителен: разве что самому эрудиту и тем немногочисленным полякам, которые в межвоенный период сохранили знание о том, кто такой Тентетников. Никак не пострадав от большевиков физически, яркий обличитель всех разновидностей царизма по-настоящему страдал, утратив возможность получать из Советской России нужные ему для работы книги. Третий том сочинения Кухажевского, вышедший из печати в 1928 году, открывается авторским предисловием, больше похожим на крик души. Указывая на огромный рост числа советских публикаций о революционном движении в России, в том числе и о Бакунине, польский историк жаловался: «Отрезанность от России, от находящихся в ней источников и материалов, представляет собой существенное препятствие для людей, исследующих за границами России историю её революционного движения»⁹.

Кухажевский сетовал, что известному революционеру, а ныне советскому историку Ю.М. Стеклову «любезно» предоставили материалы из Рапперсвильского архива польской эмиграции (погибшего впоследствии в годы Второй мировой войны), а «поляк, не будучи коммунистом, не может черпать из русских архивов»¹⁰. К тому же доставка «огромного количества» необходимых книг из Советской России представляет большую проблему, в Польше можно найти лишь часть старых изданий, и поэтому

нужно выбирать за границу, на Запад, для поиска русских книг. Самым большим собранием русских изданий располагает лондонская библиотека, если же автор не имеет возможности провести несколько лет в Лондоне, он должен искать их в Австрии, Герма-

⁷ J. Kucharzewski. *Od białego caratu...* T. 2. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998, с. 97–98.

⁸ Там же, с. 121.

⁹ Там же. Т. 3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, с. VI–VII.

¹⁰ Там же, с. VII.

нии, Чехословакии, Швейцарии, Франции... Порой автору приходится делать обширные выписки из найденной с трудом книги, будто из архивного источника¹¹.

Кухажевский, как нам уже известно, был неутомимым собирателем книг, и здесь он намеренно сгущает краски: в советские архивы 1920-х годов, не имевшие грифа секретности, пускали не только коммунистов, а в СССР исследователь «белого и красного царизма» въехать даже не пытался. В списке стран, где автору приходилось искать русские книги, отсутствуют, например, Финляндия и Латвия, а ведь в Хельсинки и Риге были сосредоточены обширные коллекции русскоязычных публикаций, в том числе и на революционную тему. Но хотелось-то как раньше — чтобы нужные тома сами собой добирались до Варшавы...

Именно с этих исходных позиций и стоит оценивать многочисленные резкие (и это ещё «мягко выражаясь») эпитеты и устойчивые словесные конструкции Кухажевского в отношении прошлого и настоящего России. Это обстоятельство чрезвычайно важно — напомним, что и в современной Польше многие считают этого автора «русофобом». Даже такой серьёзный и вдумчивый исследователь, как Антоний Каминьский из Вроцлава, в своей недавней биографии Бакунина пишет: «Пронизывающая страницы его произведения антирусскость привела к тому, что некоторые мнения Кухажевского грешат чрезмерными упрощениями и отсутствием объективизма»¹². Оценивая же «Исповедь» во втором томе своего труда, современный польский автор усмотрел в «основательном анализе текста», сделанном Кухажевским, ещё и то, что «знаменитый учёный и в этом случае не мог избавиться от преследовавшей его русофобии»¹³. Но при этом само название второго тома работы Каминьского, вышедшего из печати в 2013 году — *Поджигатель Европы*, позаимствовано именно у Кухажевского, это название главы V в четвёртом томе его работы¹⁴.

На наш взгляд, сводить сложный и противоречивый комплекс взглядов Кухажевского по отношению к России к «антирусскости» и тем более «русофобии» неверно. В этой своей «второй жизни» автор семитомника в своей страстной обвинительной риторике действительно бывал необъективен — и по отношению к царизму, и по отношению к русским революционерам, и по отношению к власти большевиков (выбранные места, где сочинителя «заносит» далеко, откомментированы нами в переводе первого тома в концевых сносках, пронумерованных римскими цифрами). Но эта пристрастность весьма любопытного свойства — автор очень любит указывать на «подражательность» России по отношению к Западу, но сам при этом очень часто бывает переимчив. Весь

¹¹ Там же.

¹² A. Kamiński. *Michał Bakunin. Życie i myśl*. T. 1. *Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2012, с. 74.

¹³ Там же. Т. 2. *Podpalacz Europy*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013, с. 154–155.

¹⁴ А название главы I в том же томе — «Роковой вопрос» дало заголовок хорошо известной в польской историографии книге Хенрика Глембоцкого. См. H. Głębocki. *Fatalna sprawa*. Kraków: Arcana, 2000.

арсенал его любимых крепких выражений — «варварство», «дикость», «рабство», «тирания», «отсталость» и т. п. — благополучно позаимствован у российских либералов и радикалов, это некая средневзвешенная смесь исторических взглядов Милюкова и поэзии Некрасова и Блока (наш автор, как и многие его современники, в своих взглядах на прошлое либеральноцентричен), разве что фразы о «цивилизационной отсталости» имеют более глубокие корни — в традиционном польском стереотипе, предполагающем культурное превосходство католичества над православной «схизмой». Читать Кухажевского проще, постоянно припоминая вот этот фрагмент из некрасовской *Железной дороги* (1864): «Ваш славянин, англосакс и германец. Не создавать — разрушать мастера, Варвары! дикое скопище пьяниц!..».

Оригинален автор разве что в некоторых неологизмах, весьма характерных для традиции 1920-х годов и переданных нами в переводе словами «цареславный», «большевичество», «полякоедство». Заметим также, что Польшу и поляков в качестве положительного примера в своей беспощадной с виду критике Кухажевский почти не использует. И неспроста — рассказы о «малообразованных варварах, алкоголиках и развратниках» традиционно актуальны и на берегах Вислы; невозможно ведь обвинить широкие массы соотечественников в чрезмерной трезвости и невлюбчивости? А такой вот яркий фрагмент из второй главы первого тома вполне можно было вставить и в речь Юзефа Пилсудского, страстно возмущавшегося до переворота 1926 года режимом парламентской демократии в Польше: «Всяческие отбросы общества, грабители, жулики, фальсификаторы, аферисты орудуют безнаказанно, под защитой, а порой и при активном участии грабителей на государственных должностях».

Итак, в своей второй жизни Кухажевский страстно и придиричиво сводил счёты с обстоятельствами и людьми, не позволившими ему вести привычный образ интеллектуального существования в жизни первой. В привычных бытовых координатах Варшавы в условиях межвоенной Польши он оказался едва ли не «внутренним эмигрантом», долго и без особого успеха переваривавшим исторические катаклизмы 1914–1921 годов.

В ПНР книга Кухажевского (как в полном, так и в сокращённом виде) была запрещена — прежде всего из-за антисоветского названия, но историки, занимавшиеся XIX веком (напр. Виктория Сливовская) ссылались не на книгу *От белого до красного царизма*, а на отдельные её тома с вполне нейтральными заголовками — после *Николаевской эпохи* вышли том 2: *Генезис максимализма. Два мира*, том 3: *Годы перелома. Романов, Пугачёв или Пестель*, том 4: *Освобождение народов*, том 5: *Террористы*, том 6: *Правление Александра III. Реакция*, том 7: *Триумф реакции*. Переиздания Кухажевский дождался только в самом конце XX века: в 1998–2000 годах все семь томов вышли под научной редакцией профессоров Варшавского университета Анджея Шварца и ныне покойного Павла Вечоркевича, а также профессора Гданьского университета Франтишека Новиньского. Редакторы, к слову, провели значительную работу над текстом, устранив многочисленные опечатки, упорядочив сноски и поправив многочисленные авторские переводы непольских текстов.

Полное издание труда Яна Кухажевского позволит полнее представить вклад польского автора в создание популярных на Западе в последние десятилетия концепций истории России, объясняющих сходство и различия «белого» и «красного» царизма, России императорской и советской. В 1998 году профессора Шварц и Вечоркевич справедливо указывали на «многочисленные эхо произведения Кухажевского в современной международной исторической литературе, хотя бы в работах Ричарда Пайпса»¹⁵. Примечательно, что сам Пайпс о Кухажевском старался не упоминать — ни в мемуарах, увидевших свет по-английски в 2003 году, ни в книге *Россия при старом режиме*¹⁶: маститому советологу только на руку было то, что на английском увидела свет лишь краткая однотомная версия большой работы предшественника. Лишь недавно в беседе с российским журналистом Д. Бабицем Пайпс признался, что именно Кухажевский оказал на него очень серьёзное влияние в его занятиях русской историей.

На наш взгляд, обращение к первоисточнику тех или иных теорий, тем более имеющему привлекательную литературную форму, гораздо ценнее, нежели его перепевы, «раскрученные» в России с начала 1990-х годов. Проблема авторов этих самых перепевов и их современных эпигонов, в изобилии представленных, в частности, среди современных польских политиков, широко известных в России исключительно экзотичностью своих исторических заблуждений, одна, и в этом, пожалуй, главный недостаток семитомника Кухажевского: человек, глубоко проникший в русскую культуру, писал по-польски в межвоенный период для совершенно другой аудитории, которая ни тогда, ни теперь не будет читать в оригинале ни Грибоедова, ни Блока, а посему отбросит все эти «красивости» как лишнее и примется упираться на «дикость» и «варварство», не имея представления о Некрасове. Таким читателем Кухажевского был уже, собственно, и Ричард Пайпс, родившийся в 1923-м в Польше и формировавшийся как человек и историк совершенно в иных декорациях.

Кухажевский в итоге оказывается актуален и сегодня, в том числе и перевод его сочинения на русский язык. Местами он объективно смотрится выигрышнее: приводимые автором многочисленные цитаты из русских источников, начиная с Герцена, на языке оригинала смотрятся гораздо выигрышнее, чем на польском — взять хотя бы такую фразу Герцена — «кровь переливалась просёлочными тропинками».

Характерен в этом смысле и первый том *Николаевская эпоха*, посвящённый характеристике лучшего, по мнению Кухажевского, русского императора XIX века — несмотря на выносимый Николаю Павловичу исключительно суровый приговор, ни три Александра, ни второй из Николаев, успевшие поцарствовать в этом столетии, до его уровня всё-таки не дотягивают. В открывающем 'большую книгу' томе хорошо видны не только особенности стиля автора, но и его манера оценивать ту или иную личность и явления многозначно, как бы снимая

¹⁵ A. Szwarc, P. Wiczorkiewicz. *Od redaktorów naukowych*. [B:] J. Kucharzewski. *Od białego caratu do czerwonego*. T. I. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998, с. VI.

¹⁶ Р. Пайпс. *Россия при старом режиме*. Москва: «Захаров», 2004; *Я жил. Мемуары непримкнувшего*. Москва: Московская школа политических исследований, 2005.

происходящее сразу с нескольких камер. Бывший адвокат основательно освоил роль прокурора — пожалуй, даже более талантливо, чем его соплеменник Андрей Януарьевич Вышинский, бывший моложе Кухажевского семью годами и постигавший основы юриспруденции не в Варшаве, а в Киеве. Чтение приговора продолжается все семь томов и по своей экспрессии подчас не уступает зажигательным речам молодого Фиделя Кастро, бичевавшего американский империализм.

Николай I оценивается Кухажевским под различным, часто прямо противоположным углом зрения — приговор выносится с точки зрения формально-юридической, с учётом мнений декабристов, мемуаристов различного толка, авторов сочинений на злобу дня, написанных после смерти императора в 1855 году, и так далее. Тот же подход используется и в обвинительных заключениях «революционерам-демократам» — Александру Герцену, Виссариону Белинскому, Михаилу Бакунину. И эта полифония мнений заставляет читателя забыть, что книга написана в 1923 году, а критический подход к николаевской эпохе здесь мало чем разнится от тогдашней советской точки зрения, выраженной в трудах «академика в будёновке» Михаила Николаевича Покровского¹⁷, которого сам Кухажевский в однотомном послевоенном издании своей работы называл не иначе как «выдающимся советским историком»¹⁸.

Но среди обвинительной речи Кухажевского нет-нет, да и пробьётся уважение, а то и восхищение обличаемыми им историческими личностями. В конце критической характеристики Николая мы достаточно неожиданно читаем: «Его царствование ритмично, импозантно, внушительно». И вспоминаем, что выносит этот приговор не кто-нибудь, а бывший польский премьер, сам когда-то очень хотевший быть на уровне если не Николая Павловича, то хотя бы Герцена, да не срослось...

Наряду с уже переведённым в России обширным трудом первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика *Россия и Европа* сочинение Кухажевского стоит признать наиболее основательным трудом о России, созданным зарубежными политическими деятелями. И даже спустя 90 лет этот «памятник исторической мысли» во многом остаётся востребованным. Причиной тому весьма глубокое (и гораздо большее, нежели у Масарика) погружение в русскую проблематику — от законодательства, близкого Кухажевскому как юристу — до культуры и литературы. Даже иные явные авторские ошибки в 1-м томе уникальны и лишний раз подчёркивают его эрудицию — так, в одной из цитат он умудрился соединить воедино два фрагмента из различных писем Пушкина своей супруге Наталье Николаевне, писанных в июле 1834 года. В процессе перевода книги на русский язык выясняется, что некоторые фразы, похоже, изначально выстраивались автором по-русски, а уж затем излагались на родном ему языке (в главе III имеется словосочетание «отпор и ропот», в главе IX находим

¹⁷ М.Н. Покровский. *Русская история в самом сжатом очерке*. Ч. 1–3. Москва: Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат, 1933.

¹⁸ J. Kucharczyński. *Od białego do czerwonego caratu*. London: Veritas Foundation Publication Centre, 1986, с. 480.

«невольную исповедь поколения неволи»). Едва ли найдётся другой столь же матёрый антисоветчик, способный на подобные 'маленькие хитрости'... Этой своей манере автор не изменит и в последующих томах: продолжение русского перевода ожидается уже в ближайшее время, а сам проект издания семитомника Кухажевского планируется завершить в начале 2020-х годов.

Литература

- Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. Москва: Захаров, 2004.
- Пайпс Р. *Я жил. Мемуары непримкнувшего*. Москва: Московская школа политических исследований, 2005.
- Покровский М.Н. *Русская история в самом сжатом очерке*. Ч. 1–3. Москва: Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат, 1933.
- Репников А.В., Милевский О.А. *Две жизни Льва Тихомирова*. Москва: Academia, 2011.
- Głębocki H. *Fatalna sprawa*. Kraków: Arcana, 2000.
- Kamiński A. *Michaił Bakunin. Życie i myśl*. Т. 1. *Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2012.
- Kamiński A. *Michaił Bakunin. Życie i myśl*. Т. 2. *Podpalacz Europy*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013.
- Szwarc A., Wieczorkiewicz P. *Od redaktorów naukowych*. [В:] J. Kucharzewski. *Od białego caratu do czerwonego*. Т. 1. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.

Список использованных источников

- Кухажевский Я. *От белого до красного царизма*. Перевод Ю.А. Борисёнок. Ответственный редактор Г.Ф. Матвеев. Москва: Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», 2015.
- Kucharzewski J. *Od białego caratu do czerwonego*. Т. 1–7. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998–2000.
- Kucharzewski J. *Od białego do czerwonego caratu*. London: Veritas Foundation Publication Centre, 1986.
- Parczewski T. *Pamiętniki gubernatora Kronsztadu*. Oprac. T. Bohun. Warszawa: Mówią Wieki, 2006.